

КОННОТАТИВНОЕ ЗНАЧЕНИЕ И КОНТЕКСТ В ПОЭЗИИ М. ЦВЕТАЕВОЙ

Создавая художественное произведение, писатель активизирует глубинные связи, «пробуждает» семантические потенции слова. В эстетическом плане слово обладает сложным внутренним строем, его звуковой, образный и смысловой состав приобретает разного рода значимость, которая сопряжена со сложным процессом «кристаллизации» идеи, напряженной «работой духа». Эстетическая ценность художественного текста создается не только речевыми формами художественного высказывания, но и всей структурой произведения. В этом плане особое значение приобретает вопрос о взаимодействии слова и контекста. Н. Н. Амосова выражает мнение о том, что «процессы в слове нельзя рассматривать в отрыве от речи» [1, с. 39].

Контекст нельзя рассматривать как непосредственное языковое окружение лексической единицы. В аспекте изучения лингвистической природы слова мы учитываем то, что контекст не только позволяет выбрать одно из значений слова, но и устанавливает наличие семантических приращений к нему или утрату словом некоторых компонентов значения. Контекст создает особые семантические поля, ассоциативные сферы, где рождаются новые значения, оттенки значения, где проявляются эстетические значимости, что приводит к актуализации коннотативной потенции слова. Контекст выступает средой и условием реализации коннотативных значений. На основании сказанного попытаемся раскрыть роль контекста в декодировании смысла стихотворений Марины Цветаевой.

Отводя термину 'коннотативный признак' роль семантического коррелята ассоциативного признака, проследим появление таких ассоциаций, которые сопутствуют конвенционально закрепленному значению слова. Содержание этого термина не препятствует следующему его употреблению: коннотировать – это отмечать некоторое свойство реалии, отсылая к ней, но не участвовать в ее обозначении как таковом. Коннотивные признаки отображают представление носителей языка об ассоциативных связях реалий, обозначенных словом, со свойством другой реалии как по сходству, так и по смежности. Ассоциативность как потенциальная и универсальная способность единиц лексического уровня вызывать в сознании человека ассоциации с системой языка, миром понятий и явлениями окружающей действительности определяет все аспекты

функционирования слова. Таким образом, коннотации, сопровождающие словесные значения, имеют ассоциативную природу. Слово становится центральным узлом целой сети ассоциативных образов и коннотативно связанных с ними слов.

Стихотворение «В зале» посвящено прекрасному миру детства, его романтической загадочности, таинственности. Как и во многих произведениях поэта, определяющим принципом смысловой организации в этом стихотворении является стилистическая фигура контраста – антитеза. Полярно противостоят волшебный мир детства, наполненный необузданными фантазиями, страстями, влекущий в таинственные приключения, и прозаический обыденный мир взрослых с их прагматической скучностью. Синтаксический параллелизм с элементом недосказанности и передает этот момент детской фантазии: *Спускаются длинные тени... / Уходят в себя зеркала... Ядро ассоциативно-смыслового поля **детство** составляет эстетическая парадигма номинантов, выполняющая функцию художественно-образной конкретизации субъектов и их самооценки: **мы – дети – цари – двое – цепи таинственной звенья**. Примицающая к ней смысловая эстетическая парадигма экспликаторов включает ряд текстовых единиц, отражающих, наряду с обыденными действиями (*укутаться шалью, склониться над роялью, посмотреть*), реалии детской фантазии и готовность вступить в сражку с воображаемыми темными силами (*бледнеем, не смеем вздохнуть – нам духом в борьбе не упасть, не медлим, многое знаем, последнее сражение*): *Над миром вечерних видений / Мы, дети, сегодня цари... // ...Нас двое над темной роялью / Склонилось, и красется жуть. // Укутаны маминой шалью, / Бледнеем, не смеем вздохнуть. // ... Посмотрим, что ныне творится... / ...Опять победители мы! / Мы цепи таинственной звенья, / Нам духом в борьбе не упасть, / Последнее близко сражение, / И темных окончится влечь // Мы старших за то презираем, / Что скучны и просты их дни... / Мы знаем, мы многое знаем / Того, что не знают они!* Детерминант *над миром вечерних видений* усиливает значимость антитезы, где в фокус противопоставления сведены семы мир детства с присущим ему непосредственностью и мир взрослых с его рационализмом.*

Ассоциативно-смысловое поле **тьма** репрезентировано эстетическими парадигмами номинантов и детских ассоциатов, фиксирующих неопределенность и абстрактность сил зла (*темные – их лица – полог вражеской тьмы – жуть – кто-то – тени – мир вечерних видений*). Парадигма экспликаторов образа тьмы, олицетворяющих силы зла, представлена глагольными текстовыми единицами, отражающими динамику наступления тьмы и

предсказания ее конца: *темнеть – спускаться – твориться – красться – идти – уходить в себя – окончится власть.*

Семантические поля темпорального и пространственного континуумов, контаминируясь, передают динамику наступления тьмы и усиливают ее прагматический эффект. В первом случае значима градация хронотопа (*вечерний – сегодня – минута*) и контраст временных планов (*ныне – прежде*). Во втором случае прагматический эффект усиливается благодаря ассоциативно-смысловому полю пространственного континуума, который отражает сужение локальной перспективы изображения, ассоциирующегося с «наступлением» тьмы: *высокая зала, зеркала, темная рояль, угол, близко.*

Наконец, ассоциативно-смысловое поле *мир взрослых* представлено текстовыми парадигмами номинантов (*старшие – они*), ассоциатов (*укутаны шалью* как проявление смыслового признака *заботы о детях*). Эстетическая парадигма экспликаторов в данном случае представлена оценочными единицами (*не знают, презираем, скучны и просты их дни*). Все это вместе создает образ прозаического, обыденного, реального мира взрослых, от которого так далек загадочный, фантастический мир детства с его готовностью противостоять *вражеской тьме*.

Марина Цветаева довольно часто использует в качестве изобразительно-выразительного приема авторское видение внутренней формы слова. Индивидуально-авторская мотивация возникает в результате сближения созвучных разнокорневых слов на основе их осмысления как мотивационно связанных в условиях контекста. На основе этого приема созданы целые стихотворения, например, из цикла «Жизни»: *Жизнь, ты часто рифмуешься с: лживо, – / безошибочен пезчай слух! / ...Жизнь, ты явно рифмуешься с жиром: / Жизнь: держи его! Жизнь: нажим / жестоки у ножных костяшек / Кольца, в кость проникает рта! / Жизнь: ножи, на которых плещет / Любящая. – Заждалась ножа.* В данном стихотворении из цикла «Жизни» прием индивидуально-авторской мотивации в сочетании с приемом звукописи актуализируют дополнительный смысл – сарказм. Текстовый ассоциативно-смысловый ряд на денотат *жизнь* содержит ассоциаты: *лживо, жир, нажим, держи, ножи*, отражающие разочарование, обманутые ожидания некогда восторженной девушки. Это не восхищение жизнью, а прямой вызов ей. Происходит расширение значений слова *жизнь* за счет внесения дополнительных коннотативных оттенков (наращивание объективных смыслов с помощью эмоционально-оценочного компонента): в художественном сознании Марины Цветаевой жизнь – внешнее бытие, окружающая действительность – предстает как объект чуждый внутреннему я лирического субъекта.

Для поэзии Марины Цветаевой свойственны образные корреляты индивидуального концептуального смысла 'жизнь как скопление всех бед и несчастий, выпадающих на долю человека за его недолгое пребывание на земле': так жизнь – *невыносимое мученье, жестокое наказание, тяжелая болезнь, тяжкое бремя, ад, орудие пытки и истязания человека, рельсы, ножи*. Дополнительными к идее чуждости внешнего бытия лирическому субъекту компонентами становятся также представления о *жизни-борьбе*, в которой не хочет участвовать лирическая героиня, а также о ложной и лживой сущности жизни, ее неистинности, призрачности: *Жизнь, ты часто рифмуешься с: лживо...; Неподражаемо лжет жизнь, / Сверх ожидания, сверх лжи...*

Т.о., контекст – это глобальное явление, пронизывающее все уровни и элементы языка. В контексте реализуются сочетательные возможности слов, проявляются коннотативные значения, рождаются новые смыслы. Коннотация – это фундамент различных стилистических фигур и приемов, в результате функционирования которых выявляются потенциальные возможности языка.

Литература

Амосова Н. Н. О синтаксическом контексте // Лексикографический сборник / Гл. ред. С. Г. Бархударов. – М.: ГИС, 1962. – вып. 5. – С. 38–45.